

Глава 7. Седьмой поток

Покончив с сочным жареным мясом и наскоро прибрав остатки трапезы, они не стали расходиться.

Цзян Цзиньюэ тренировался. В его руках свистел деревянный клинок, выписывая фигуры стиля «Меча Одухотворённого Сердца».

Мин И, лениво устроившись в Беседке Созерцания Луны, обронил:

— Помнится, Цзян Чангэ утверждал, что стиль «Меча Одухотворённого Сердца» передастся только тебе одному.

Цзян Сяочжоу согласно кивнул:

— Так этот стиль ему я и показал.

— Ты? Его научил? — усмехнулся Мин И.

Цзян Сяочжоу лишь горько улыбнулся:

— Я, как-никак, десять лет этому отдал. Пусть сама суть меча так и не постиг, но движения-то в памяти живы.

С этими словами он вытащил собственный клинок, всё ещё пахнущий жиром от недавнего мяса, и принялся показывать приёмы.

Все четыре формы и шестнадцать движений стиля «Меча Одухотворённого Сердца» он заучил назубок. Вот только без истинной воли меча его движения выглядели жалкими и безжизненными, словно уличный фокусник забавлял толпу дешёвым представлением — даже цирковая мишура смотрелась бы краше.

«Серп Ласточкиной Луны», «Стремительный шаг сквозь ясную осень», «Ароматный шёлк весеннего ветра», «Гонка по Жёлтому Источнику».

Когда он закончил всю связку, на душе остался лишь горький осадок: всё казалось фальшивым, нескладным и чужим.

Цзян Цзиньюэ же, хоть его удары порой и прерывались, неосознанно вкладывал в каждое движение скрытую, но невероятно мощную волю меча.

— У него поразительное чутьё, — заметил Цзян Сяочжоу. — Пусть природа не наградила его костяком истинного мечника, этот стиль подходит ему куда больше, чем мне. Не понимаю только, почему отец так упрямо пытался вдолбить его именно в мою голову. Мин И, тебе ничего об этом не известно?

Мин И, досмотрев его неуклюжие взмахи, скорчил такую гримасу, будто его заставили выпить уксуса.

— Ты и впрямь безнадежный бездарь в военном искусстве, — отрезал он. — А твой отец — упрямый как баран сумасброд.

«Бездарь» Цзян Сяочжоу преспокойно убрал клинок в ножны. Пропустив колкость мимо ушей, он подошёл к младшему брату и принялся терпеливо направлять его деревянный меч.

Солнце медленно скатилось за горизонт, укутывая вершины гор сумеречной дымкой. Ветер, гулявший по кручам, принёс долгожданную ночную прохладу.

— На сегодня хватит, завтра продолжим, — скомандовал Цзян Сяочжоу.

— Мне бы ещё немного... «Серп Ласточкиной Луны» никак не даётся. Брат, я всё никак не уловлю его суть.

— Я и сам её не уловил, — честно признался Цзян Сяочжоу.

Настаивать он не стал и просто вернулся под сень Беседки Созерцания Луны.

Беседка хоть и звалась Созерцанием Луны, но сам Цзян Сяочжоу никогда не тратил время на разглядывание ночного светила. В этом унылом мире, лишённом интернета и видеоигр, единственным доступным ему развлечением оставался глубокий, безмятежный сон.

Мин И к тому времени уже ушёл — смотреть на чужие тренировки ему было смертельно скучно. Цзян Сяочжоу порой и сам удивлялся, почему этот таинственный старейшина когда-то вообще снизошёл до обучения столь безнадежного ученика. Ведь перед глазами у него были Чжоу Ци и Цзян Цзиньюэ — настоящие самородки, истинное сокровище. На их фоне любой наставник должен был смотреть на Сяочжоу с глухим презрением.

Из-за туч медленно выплыл тонкий серп молодой луны, заливая землю призрачным, холодным серебром. Цзян Цзиньюэ продолжал упрямо тренироваться при этом тусклом свете. В глухой ночной тишине раздавался лишь резкий свист рассекаемого дерева.

«Серп Ласточкиной Луны»...

Шелестел ночной ветер. Холодный лунный луч скользнул по лезвию деревянного меча. Цзян Цзиньюэ мимолётно повернул голову в сторону беседки и замер: его старший брат уже давно спал, безвольно прислонившись к резным перилам.

Полупрозрачные шелковые шторы беседки мягко укрывали его фигуру, а лунный свет очерчивал тонкий, почти неземной силуэт. Цзян Цзиньюэ оцепенел. На мгновение он забыл, где находится и что делает. Рука с мечом продолжала по инерции вести дугу, завершая приём, но разум юноши опустел. В его мыслях не осталось ни схем, ни движений — лишь неописуемо красивое, безмятежное лицо спящего брата.

Вдруг из самой глубины его духовного лотоса хлынула горячая волна. Духовная энергия заструилась по меридианам. Цзян Цзиньюэ, сам того не осознавая, завершил идеальный росчерк «Серпа Ласточкиной Луны». Приятное тепло разлилось по телу, а понимание сокровенной сути стиля поднялось на новую, недостижимую прежде высоту.

Потренировавшись ещё немного, он тихо вошёл в беседку и мягко коснулся плеча брата.

— Брат, просыпайся. Пора возвращаться.

Цзян Сяочжоу приоткрыл затуманенные сном глаза и медленно сел. Перед ним стоял сияющий от восторга Цзян Цзиньюэ.

— Брат! Я понял! Я освоил «Серп Ласточкиной Луны»!

— Какая прелесть, — пробормотал сонный Цзян Сяочжоу, всё ещё плохо соображая. — И как же у тебя вышло?

Младший приоткрыл рот, но тут же смущённо прикусил язык. Сказать брату правду — сознаться, на что именно он засмотрелся перед тем, как его осенило, — было выше его сил. Он лишь робко улыбнулся, надеясь перевести всё в шутку.

Цзян Сяочжоу спросил это чисто из вежливости и не стал докапываться. Пути совершенствования у каждого свои; то, что открылось младшему брату, вряд ли помогло бы ему самому.

Они молча зашагали к своему скромному двору. Ночь окончательно вступила в свои права. Возвращаться к себе Цзян Цзиньюэ наотрез отказался, решив остаться у брата.

Умывшись, они улеглись в постель. Цзян Сяочжоу, успевший подремать в беседке, сна не чувствовал ни в одном глазу, поэтому велел младшему засыпать первому.

Разглядывая в полумраке его спокойное, спящее лицо, Цзян Сяочжоу невольно задумался.

«Мой младший брат ничуть не уступает главному герою»

В его памяти тот спесивый, заносчивый Цзян Цзиньюэ из оригинального романа, который вечно лез на рожон и искал проблем, окончательно стёрся, уступив место этому славному мальчишке. И если бы сейчас книжный сюжет попытался вернуть всё на круги своя, заставив брата творить глупости, Сяочжоу уже не смог бы безучастно наблюдать со стороны, предвкушая, как главный герой проучит зарвавшегося глупца.

Если бы обучением мальчика занялся сам глава секты Цзян Чангэ, прогресс наверняка пошёл бы в разы быстрее. Но отец, как метко выразился Мин И, был непрошибаемым упрямым. Цзян Сяочжоу несколько раз пытался завести об этом разговор, но, натолкнувшись на глухую стену, оставил всякие надежды.

Поразмыслив ещё немного, он незаметно для себя задремал. Едва его дыхание выровнялось, Цзян Цзиньюэ приоткрыл глаза.

Он долго и заворожённо смотрел на брата, а затем тихонько прижался к его тёплому боку и сладко уснул.

Дни летели стремительно, и великое испытание секты было уже на носу. Остальные ученики в панике пытались запрыгнуть в уходящий поезд, судорожно повторяя изученное, а Чжоу Ци использовал последние крохи времени, уйдя в глубокое уединение.

Один лишь Цзян Сяочжоу и не думал утруждать себя тренировками. Вместо этого он целыми днями таскал брата за собой: то на горные речки ловить рыбу, то по лесам — стрелять дичь. Мин И тоже нет-нет да и прибивался к их компании, соблазнившись ароматом свежего жаркого.

— Столько путей в этом мире... Есть мечники, есть те, кто закаляет тело, алхимики, заклинатели призраков... Путей великое множество, но почему никто не додумался прокладывать путь к бессмертию через еду? — рассуждал Цзян Сяочжоу, бережно выбирая мелкие косточки из сочного рыбьего бока. Очищенный кусок он протянул преданно заглядывающему в рот младшему брату. — На, ешь аккуратнее, горячо. Когда достигнешь стадии очищения от земной пищи, все эти мирские деликатесы окажутся для тебя под запретом.

Цзян Цзиньюэ жадно проглотил половину рыбины, но, услышав это, внезапно замер с набитым ртом.

— Это ещё почему?

— Чтобы постичь Великое Дао, нужно отринуть земные привязанности и отринуть плотские желания. Если разум засорён мирской суетой, то и вершины бессмертия не видать, — поучительным тоном начал Цзян Сяочжоу, но тут же лукаво усмехнулся: — Так что я на это

Дао зариться не стану. Сяо Юэ, ты давай, тренируйся усерднее, а я, так и быть, буду съедать твою порцию за двоих.

Мин И, сосредоточенно обглаживая рыбий хребет, хмыкнул:

— Заботливый из тебя братец получился.

Имени младшего он так и не удосужился запомнить, упрямо величая того не иначе как «братом Сяочжоу».

— Ещё бы, — бросил в его сторону Цзян Сяочжоу.

Мин И лишь тихо рассмеялся и развивать тему не стал.

Он наблюдал за Цзян Сяочжоу с самого детства и прекрасно видел то, что юноша так тщательно скрывал от посторонних глаз: за маской добродушного лентяя таилась холодная, глубокая отстраненность.

В его сердце было место лишь для избранных. Младший брат Цзян Цзиньюэ, загадочное белое яйцо, которое никак не желало вылупиться, — вот, пожалуй, и весь список. Больше туда никто не входил.

Мин И это слегка задевало. Всё-таки он больше десяти лет возился с этим оболтусом, вкладывал в него силы, берёг. Во всей секте Меча Ляньи только Цзян Сяочжоу представлял для него хоть какую-то ценность, остальные ученики казались не более чем копошащимися под ногами муравьями. И при всём этом парень упорно держал дистанцию, не пуская его душу дальше порога. Впрочем, Мин И ловил себя на мысли, что эта холодность лишь разжигает в нём интерес. Юноша напоминал ему едва вставшего на лапы котёнка — шерсть ещё мягкая, детская, а взгляд уже полон гордого величия.

Для старейшины Цзян Сяочжоу попеременно становился то ленивым поросёнком, то упрямым диким котёнком. Но кем бы он ни был, в глазах Мин И он оставался лишь забавным зверёнышем, которому ни за что не вырваться из его рук.

— Скоро я уйду, — внезапно нарушил молчание Мин И.

Цзян Сяочжоу, чей разум всё ещё блуждал в поисках кулинарного пути к бессмертию, равнодушно спросил:

— Куда это?

— Покину секту Меча Ляньи.

Собственно, делиться подобными планами с мальчишкой не имело никакого смысла. Едва слова слетели с губ, Мин И почувствовал глухое раздражение на самого себя. Неужели он в глубине души надеялся, что этот неблагодарный начнёт умолять его остаться?

— И когда уходишь? — Цзян Сяочжоу даже не взглянул на него, совершенно не заметив скрытого подтекста.

— В день испытания.

— Что, даже на зрелище не останешься поглазеть?

— Из всех зрелищ меня бы устроило только то, где тебя подвешат за ноги и хорошенько высекут. Всё остальное — унылая скука.

Цзян Сяочжоу с оскорблённым видом тут же отобрал у него приготовленный кусок рыбы.

В день великого испытания след Мин И действительно простыл. На Арене Боевых Искусств яблоку негде было упасть. Для всей секты Меча Лянъи этот день считался переломным: рядовые послушники рвали жилы, чтобы попасть во внешний круг, внешние ученики дрались за право войти во внутренний, а лучшие из лучших мечтали стать личными преемниками старейшин.

Тем временем признанным гениям предстояло с оружием в руках доказывать своё превосходство, безжалостно сбрасывая амбициозных выскочек с помоста.

К этому дню готовились загодя: даже те, кто не собирался выходить на арену, выводывали чужие секреты и козыри. Толпа гудела, предвкушая зрелище.

Чжоу Ци, наконец завершивший уединение, появился среди учеников. Каждое его движение приковывало к себе десятки жадных, завистливых глаз. Он мог просто стоять без движения, но напряжение вокруг него ощущалось почти физически.

Однако рядом с ним стояли вовсе не товарищи по внутреннему кругу секты. Его спутником был культиватор в длинных изумрудных одеждах. Он оказался почти одного роста с Чжоу Ци, а его холодное, надменное лицо внушало окружающим куда больший трепет, чем суровый вид самого юноши. Тем не менее, красота его кружила голову: изогнутые тонкие брови напоминали очертания весенних гор, а в глубоких глазах, казалось, отражалась тихая гладь лесного озера.

У его ног вышагивал рослый двухголовый феникс ростом ему по пояс. На его когтистых лапах плясало яростное, никогда не угасающее пламя духовных знаков, а хищный, раскосый разрез птичьих глаз до странности напоминал черты его хозяина.

— Сколько лет прошло, а в секте Меча Лянъи всё та же серость, — высокомерно бросил Байли Фэн, с презрением оглядывая суеязящуюся толпу. Его верный зверь, тонко чувствуя настроение владельца, выпустил из клюва облачко искр, словно издеваясь над жалкими потугами собравшихся здесь мечников.

Эта надменная личность, Байли Фэн, приходился Чжоу Ци наречённым партнёром, сосватанным ему старейшинами Секты Повелителей Зверей. Стоило им впервые встретиться, как они тут же, втайне от наставников, устроили жестокую драку.

После того боя Байли Фэн пришёл к однозначному выводу.

«Из этого парня выйдет отличный боевой товарищ, но вот делить с ним ложе — увольте»

Уж слишком очевидно было, что в сердце этого хвалёного гения секты Меча Лянъи давно засел кто-то другой.

За три года знакомства он так и не сумел разузнать, кто же этот таинственный избранник. Порой ему казалось, что он и вовсе ошибся в своих догадках. В конце концов, Чжоу Ци бредил исключительно фехтованием и техниками клинка. Байли Фэн не раз ловил себя на мысли, что его упрямая голова забита лишь бесконечным самосовершенствованием.

Одно пугало: его одержимость тренировками переходила все грани разумного. Три года назад они бились на равных. Тогда Чжоу Ци смерил её мрачным, тяжёлым взглядом и глухо пообещал, что через три года сформирует Золотое Ядро.

Вся его жизнь состояла лишь из побеждённых врагов за спиной и тех, кого ему ещё только предстояло сокрушить. Обычная ничья ранила его гордость сильнее, чем если бы с него заживо содрали кожу.

Чжоу Ци промолчал. Его взгляд тяжело скользил по лицам столпившихся учеников, выискивая кого-то в людском море. Обычно он носил маску вежливого и покладистого юноши, но при Байли Фэн сбрасывал её без всяких колебаний, обнажая свою истинную, мрачную натуру. Впрочем, он давно привык к его ледяной мине.

— Ну и где твой безалаберный Старший брат? — лениво поинтересовался он. — Испытание вот-вот начнётся, а его и след простыл.

Чжоу Ци и сам упорно искал глазами Цзян Сяочжоу, и бесцеремонный вопрос Байли Фэн уколол его прямо в цель, словно сокровенная тайна внезапно оказалась выставлена напоказ. Он повернул голову и одарил юношу столь свирепым взглядом, что у того по спине пробежал холодок.

Решив больше не испытывать судьбу, он увлёк за собой двухголового феникса и поспешил

скрыться в толпе.

— Человек не станет истязать себя тренировками без веской причины, — тихо прошептал он, ласково поглаживая одну из огненных голов своего питомца. — Либо у него есть смертельный враг, либо тот, кого он отчаянно любит. И ради кого же ты так рвёшь жилы, Чжоу Ци?

Феникс в ответ издал негромкий хриплый клёкот, словно разделяя его недоумение.

<http://bllate.org/book/20178/2131203>